

Алексей Масалов

Михаил Ерёмин и герметичная поэзия:

МЕЖДУ ПОЭТИКОЙ ШИФРА
И ПОЭТИКОЙ СТАНОВЛЕНИЯ

Alexey Masalov

Mikhail Yeryomin and Hermetic Poetry: Between Poetics of Cipher and Poetics of Emergent

Алексей Масалов (Российский государственный гуманитарный университет, старший преподаватель кафедры теоретической и исторической поэтики, старший преподаватель кафедры истории русской литературы Новейшего времени; кандидат филологических наук) uchkuduk202@gmail.com.

Ключевые слова: Михаил Ерёмин, герметичная поэзия, Пауль Целан, итальянский герметизм, Джузеппе Унгаретти, Сальваторе Квазимодо, Эудженио Монтале, поэтика шифра, поэтика становления

УДК: 82.0+82-1+821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2024_186_2_172

В статье поэзия Михаила Ерёмина рассматривается в широком контексте герметичной поэзии, актуализировавшейся во второй половине XX века (итальянский герметизм и Пауль Целан). Отмечается, что наиболее радикальные проекты по герметизации смысла до и после катастроф XX века предлагают авторы, пишущие на языках фашистской Италии и национал-социалистической Германии, деконструирующие идеологии тотальной агитации. При сравнении поэзии Джузеппе Унгаретти, Сальваторе Квазимодо, Михаила Ерёмина и Пауля Целана выделяется трансформация функции поэтики шифра, а также роль гибридизации природного и субъектного планов. Из чего делается вывод, что усложнение формы, суггестивная энигматическая метафорика становятся не просто загадкой и шифром, для которого необходимо, если возможно, подобрать ключ, а способом изображения сложности мира, его связей, сущностей и деталей. В связи с этим предлагается смотреть на поэтику герметичных текстов как на поэтику становления и бесконечных метаморфоз.

Alexey Masalov (PhD; Senior Lecturer, Department of Theoretical and Historical Poetics, Department of Contemporary Russian Literature, Russian State University for the Humanities) uchkuduk202@gmail.com.

Key words: Mikhail Yeryomin, hermetic poetry, Paul Celan, Italian hermetism, Giuseppe Ungaretti, Salvatore Quasimodo, Eugenio Montale, cipher poetics, emergent poetics

UDC: 82.0+82-1+821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2024_186_2_172

The article attempts to look at the poetry of Mikhail Yeryomin in the broader context of hermetic poetry actualized in the second half of the 20th century (Italian hermeticism and Paul Celan). The author notes that the most radical projects for hermeticizing meaning before and after the catastrophes of the twentieth century are offered by authors writing in Fascist Italy and National Socialist Germany, deconstructing the ideologies of total agitation. In comparing the poetry of Giuseppe Ungaretti, Salvatore Quasimodo, Mikhail Yeryomin and Paul Celan, he highlights the transformation of the function of the poetics of the cipher, as well as the role of the hybridization of the natural and subjective plans. From which the author concludes that the complication of form, the suggestive enigmatic metaphor becomes not just a riddle and a cipher, for which it is necessary, if possible, to find the key, but a way of depicting the complexity of the world, its connections, essences and details. In this regard, he proposes to look at the poetics of hermetic texts as a emergent poetics and endless metamorphosis.

Проблема «простоты» и «сложности» поэтического языка остается ключевой и в текущее время, когда радикальный подход к высказыванию заключается не столько в экспериментах с формой, сколько в проблематизации поэтического как такового, то есть в попытках ответить на вопросы «Что такое поэзия?»

и «Для чего она нужна?», имплицитно или эксплицитно вшитыми в художественный текст. В этом плане поэзия, ускользающая от прямых интерпретаций и линейного смыслообразования, достаточно древняя форма, которую обозначают и как «поэтику сложности» [Григорьев 1979: 88—91], «темные стихи» [Гаспаров 2012], «непрозрачную поэзию» [Заломкина 2018], «сложную поэзию» [Корчагин 2020], «герметичную поэзию» [Simms 2015], «поэтический герметизм» [Евграфкина 2019: 11]. Настаивая на значимости такого типа поэзии, лингвист В.П. Григорьев еще во второй половине XX века говорил:

Признав же правомерность «поэтики сложности», мы должны объяснить ее необходимость для беспрепятственного развития поэтического языка. <...> И простота и сложность поэтического языка, которым пользуются поэты-современники, заключены в пределах единой для данной эпохи системы выразительных средств. Одни художники слова могут усложнять эту систему, другие используют из нее лишь некоторые более или менее широкие и проверенные ближайшей историей подсистемы [Григорьев 1979: 88—89].

С подобных позиций к проблеме «сложного стиля» подходит М.Л. Гаспаров, который также видит специфику «темных» стихов в чисто лингвистических особенностях:

Стихотворение может быть «темным» по разным причинам. Прежде всего — из-за ослабления связности текста: скачки мысли от предложения к предложению в стихах, как правило, больше, чем в прозе; это отмечалось не раз, хотя по настоящему еще не исследовалось. Далее — из-за ослабления связности внутри предложения: что пастернаковский синтаксис с его пропусками слов представляет здесь особенную сложность, понимали даже первые критики. И наконец, из-за ослабления точности отдельных слов — то есть из-за частого употребления слов в переносных значениях. Это тропы, главные из них — метафоры и метонимии с синекдохами, в меньшей степени — гипербола, ирония, эмпфаза и, условно, перифраза [Гаспаров 2012: 385].

Нельзя не отметить, что проблема смысла и его сокрытия становится ключевой и для самой поэзии, а не только ее исследований, также во второй половине XX века. Иными словами, важной становится не только чисто лингвистическая и художественная прагматика «темного стиля», но и его социокультурная значимость. Так, итальянский герметизм, по названию которого и возникла одна из номинаций «сложного» поэтического языка, «возникает как культурное противопоставление фашистской идеологии и разрабатывает систему художественных средств по защите поэзии от насильственного омащивления и уничтожения индивидуальности» [Королинская 2013: 434], в которых «отказываясь от изображения некоторых реалий действительности, ангажированности и прямой агитации, выстраивает сложную поэтическую структуру, предполагающую особый “темный” язык» [Там же]. К подобной поэтической технике на немецком языке прибегает Пауль Целан, у которого искусным образом созданное «затруднение» «есть и прочное укрепление против растворения в спокойной волне темпированной речи радиодиктора» [Гадамер 2019: 330].

В этом ключе закономерным видится вопрос о поэзии Михаила Ерёмина, возникающей примерно в этот же период (первый текст датируется 1957 годом) и по-разному соотносимой с герметичной поэзией как трендом мировой литературы (см. готовящуюся к выходу книгу: [Simms 2024]). Так, например,

Лев Лосев пишет о различии: «Что в корне отличает Ерёмина от поэтов-герметистов, это его в конце концов объяснимость» [Лосев 2005]. Напротив, Михаил Айзенберг отмечает «абсолютный герметизм» стихов Ерёмина, который «как будто не предполагает существования читателя. Ерёмин — поэт даже не книжный, а словарный, и читать его нужно или обложившись целой библиотекой словарей, или — минуя препятствия — скользить как частица в силовом потоке» [Айзенберг 1997]. В последующих исследованиях поэзии Ерёмина также наблюдается колебание между сходством и различием с традициями модернизма, герметизма и т.п.

Прежде чем говорить о соотношении поэзии Ерёмина и мирового тренда герметичной поэзии, стоит указать на переводной контекст, который мог в той или иной степени если не влиять на конкретные поэтики, то формировать почву для их возникновения. Несмотря на то что Сергей Завьялов указывает на «невосприимчивость русской культуры 1950—1970-х годов к ключевым достижениям модернизма» [Завьялов 2008], в появившемся в 1955 году журнале «Иностранная литература» за этот период был опубликован значительный корпус поэтических текстов и авторов, с которыми часто сопоставляют Михаила Ерёмина: Шарль Бодлер, Т.С. Элиот, а также интересующие нас итальянские герметики и Пауль Целан. И раз «Иностранка» оставалась наиболее открытым к инновативной иноязычной литературе легальным советским журналом» [Там же], то хотя и занимающийся в то время переводами «отнюдь не западных авторов» [Власова 2023] Ерёмин не мог не вникать в модернистские языки на страницах журнала.

Что же такого особенного возникает в такой форме модернистской поэзии, или даже в случае послевоенного времени «после модернистской», или постмодернистской в смысле отказа от ключевого элемента модернистской идеологии — «тяги к абсолюту» [Джеймисон 2014]? Модернистский Абсолют или проблематизируется, или подвергается сомнению, или отрицается. Причина такого отношения кроется, на наш взгляд, в том, что ключевые модернистские проекты по переустройству общества обернулись тоталитарными государствами и Холокостом. Не случайно, что наиболее радикальные проекты по герметизации смысла до и после катастроф XX века предлагают авторы, пишущие на языках фашистской Италии и национал-социалистической Германии, деконструирующие идеологии тотальной агитации. Так, если довоенная (и частично после-) герметичная поэзия Т.С. Элиота «взывает к подлинному Абсолюту, то есть к образу полнейшей социальной трансформации, который предполагает возвращение искусства к якобы имевшейся некогда целостности» [Там же], то у того же Целана роль взывания, молитвы «перешла теперь к стихам, которые произносит обездоленный, поверженный, низвергнутый, свидетельствуя тем самым, что “Бога больше нет” (как и любого другого абсолюта. — А.М.), а не просто “Бога нет”» [Лаку-Лабарт 2015: 101].

Ответом на вопрос из предыдущего абзаца будет указание на изменение самой поэтики шифра, которая не только уходит от перспективы поиска ключа, но и трансформирует само понимание мира. Гуго Фридрих в книге «Структура современной лирики» (1956) пишет об этом:

Современная лирика принуждает язык к парадоксальной задаче одновременного раскрытия и утаивания смысла. Темнота стала преобладающим эстетическим принципом. Вербальная ткань отделяется от обычной языковой функции сообще-

ния, дабы стихотворение пребывало в амбивалентном колебании. Унгаретти или Висенте Алейхандре, к примеру, любят рассуждать о человеческих и естественных элементах своей поэзии, тогда как она полностью зашифрована или, по крайней мере, создает такое впечатление. Темная лирика говорит о процессах, сущностях и предметах, причину, место и время которых читатель не знает и не будет знать. Высказывания не завершаются, но обрываются. Часто содержание составляют переменчивые вербальные движения — резкие, торопливые или мягко скользящие: предметы и аффекты — только материал, не имеющий смыслового решения [Фридрих 2010: 221—222].

Так, например, Джузеппе Унгаретти, уже начиная с ранних стихов, стремится к изображению хрупкости мира:

Самому лирическому «я», безусловно, присуща хрупкость, и он это проецирует на остальной мир, на пространство вокруг себя. Однако в некоторых стихотворениях проявляется неосинкретизм и мы не можем сказать, что первоначально — человек или природа [Алейникова 2021: 36].

Иными словами, герметичный язык стремится расколоть традиционную субъективность, как раз фокусируя внимание на процессах, сущностях и предметах, о которых говорит Г. Фридрих в абзаце выше. Так, стихотворение 1916 года «Восточная нега» уже показывает метаморфозы мира, пронизывающие субъективный план:

Облизывая пересохшие губы
мы бессильны перед волной
орошающей побеги желания

Нас пожинает солнце

Мы закрываем глаза
чтобы видеть прохладное озеро
освежающее надежды

Мы приходим в себя чтоб снова
отпечатывать на земле
неподъемным ставшее тело

Пер. Е. Солоновича
[Унгаретти 1988: 129]

Метафоризация в этом стихотворении («побеги желания», «озеро / освежающее надежды») соседствует с неопределенностью субъектного плана: чем здесь является «мы» — солдатами на фронтах еще Первой мировой или человечеством вообще — не столь значимо, в отличие от трансцендентной природы, не олицетворяющей переживания коллективного субъекта, а начинающей отображать сложность деталей и сущностей мира. Уже этот текст можно трактовать как некий отход от модернистской/нововременной логики, в которой «мир Нового времени предстал расколдованным, лишенным своих тайн, управляемым гладкими силами чистой имманентности, которым мы, люди, одни только и навязывали некоторое символическое измерение и за которыми существует, возможно, трансцендентность отграниченного Бога» [Латур 2006: 209].

При этом биография Унгаретти не лишена черных пятен, так как второе издание книги его стихов «Погребенный порт» («IL Porto Sepolto») в 1923 году вышло с предисловием Бенито Муссолини. Однако уже к концу 1920-х поэт отворачивается от итальянского фашизма, а в 1936 году эмигрирует в Бразилию. По возвращении в Италию в 1942 году он работает профессором современной литературы в Римском университете, но открыто выступает против фашистской власти в цикле «Оккупированный Рим» («Roma Occupata»). Конечно, связь с итальянским фашизмом на первых порах делает поэзию Унгаретти исключением из заявленного нами тезиса о противопоставлении герметизма и тоталитарных идеологий, как, например, и поэзию Эзры Паунда, поддерживавшего Муссолини вплоть до ареста поэта в 1945 году. Однако содержание стихов Унгаретти, а также его последующая поддержка Спротивления скорее говорит об антитоталитарных тенденциях, в отличие от модернистской позиции Паунда, которая ближе к довоенной герметичной поэзии, чем к послевоенной.

Логика, при которой можно увидеть, как «трансцендентность природы, ее объективность, или имманентность общества, его субъективность... происходят из работы медиации независимо от их разделения между природой и обществом» [Там же: 223], возникает и в стихах герметика — лауреата Нобелевской премии по литературе (1959) Сальваторе Квазимодо. Подобным образом можно прочитать его стихотворение «Предав смерть забвенью»:

Весна поднимает деревья и реки,
но, донного гула не чувствуя,
в тебе я затерян, любимая.

Предав смерть забвенью,
мы сделались плотью единою,
под гром светопреставления
подыдемся вовсе юными.

Нас никто не подслушает —
легко нашей крови дыхание.
И ветвью становится,
цветя на бедре твоём,
рука моя.

Из растений, камней, вод
при веяньи воздуха
рождаются животные.

Пер. Л. Мартынова
[Квазимодо 1997: 203]

Гибридизацию субъектов и природы, представленную в этом тексте через мотив перерождения («мы сделались плотью единою», «И ветвью становится, / цветя на бедре твоём, / рука моя») можно интерпретировать в ключе идеи, что «природа и общество являются не двумя различными полюсами, а единым производством обществ-природ, коллективов» [Латур 2006: 223]. При этом эта гибридизация снова сопровождается усложненным языком, ускользящим от прямого раскрытия своего смысла посредством метафоричности и фрагментарности.

В гибридизации природного и субъектного планов можно также увидеть антифутуристическую (и вместе с тем антифашистскую) прагматику. Итальянский футуризм, начиная с первых манифестов, воспекает технику и утверждает, что «гоночная машина, капот которой, как огнедышащие змеи, украшают большие трубы; ревушая машина, мотор которой работает как на крупной картечи, — она прекраснее, чем статуя Ники Самофракийской» [Маринетти 1924: 7]. Роман Ф.Т. Маринетти «Футурист Мафарка» посвящен превращению человека в машину. В этом плане поэзия герметизма еще, конечно, не проблематизирует соотношение природы и технологии, что будет сделано новым материализмом, в частности Бруно Латуром, но уже отказывается от технологической и имманентной доминанты как авангарда, так и всего Нового времени.

Апелляция к Б. Латуру при анализе итальянского герметизма в нашем случае не является случайностью, а скорее, подготавливает сравнение с поэтикой Михаила Ерёмина (этот подход уже предлагали Л. Хереш [Хереш 2023] и В. Кошелев [Кошелев 2023]), у которого гибридизация природы и общества (культуры) становится одним из ключевых оснований поэтического языка. Таковую образность мы можем увидеть уже в тексте 1959 года:

Сохатый крест рогов, как идола,
Возносит над кустарником.
Корову не выигрывает, а выпиливает
Из самых нежных мышц соперника.
Звучит в юдоли гонный рог
И ранит бок до соли.
Вдыхают важенки пригожие
Жестокий запах отца и сына.

[Ерёмин 2021: 23]

В этом тексте формальное усложнение и герметизация смысла соединяют природное и культурное, когда в борьбе двух быков за корову прослеживается религиозная символика — «крест», «отца и сына» и т.д. При этом христианский крест уподоблен языческому идолу, глагол «выпиливает» вводит мотив (руко)-творности и творчества. Таким образом, аналитический подход Ерёмина позволяет изобразить некий гибрид между природой и культурой.

Такое же соотношение природного и культурного наблюдается и герметичных стихах Пауля Целана. Так, в сборнике «Мак и память», заголовок которого уже обнажает интересующую нас проблему, можно увидеть множество текстов с гибридной образностью:

Из сердец и мозга
прорастают стебли ночи
и, пропетое косами на лугу, слово:
ночь склоняет его в жизнь.

Молчаливо, как ночь,
колыхаемся мы встречу миру:
наши взгляды,
которыми мы обмениваемся, чтобы утешиться,
продвигаясь на ощупь,
темно подзывают нас жестами.

Безглядный,
твой глаз в малчивается в мой,
двинувшись,
я подношу твоё сердце к губам,
и моё — ты подносишь к своим:
то, что пьём мы сейчас,
утоляет жажду всякого часа;
то, чем являемся мы сейчас,
всякий час наливает в сосуды времени.
По вкусу ли мы времени?
Ни звука, ни лучика не проскользнет
между нами, чтоб это сказать.

Стебли вы, стебли.
Стебли вы ночи.

Пер. А. Прокопьева
[Целан 2017: 64]

Как отмечает переводчик Алёша Прокопьев, в этом тексте «от строфы к строфе вместе со сменой лица меняется осмысление заявленной с самого начала метаморфозы, превращения слова, отлившегося в форму стиха (то есть универсальной формулы), которому (и стиху, и слову) предстоит умереть, как луговой траве от поющих кос, чтобы ночь смогла “склонить его в жизнь”» [Прокопьев 2020: 265]. Это же подкрепляется гибридной образностью: «Из сердец и мозга / прорастают стебли ночи», «то, что пьём мы сейчас, / утоляет жажду всякого часа» и «то, чем являемся мы сейчас, / всякий час наливает в сосуды времени».

Во всех процитированных текстах мы видим, что усложнение формы, суггестивная энигматическая метафорика становятся не просто загадкой и шифром, для которого необходимо, если возможно, подобрать ключ, а способом изображения сложности мира, его связей, сущностей и деталей. И несмотря на то что в том или ином случае эту загадку вроде бы еще можно разгадать, обращаясь к словарю [Житенев 2012] или топосам [Прокопьев 2020: 271], важнее становится не сам шифр, а бесконечные метаморфозы: «Нас пожинает солнце», «Из растений, камней, вод / при веяньи воздуха / рождаются животные» и т.п.

Американский исследователь литературы Пол Яуссен предлагает проект «поэтики становления» и интерпретацию «большой поэмы как сложной адаптивной системы» [Яуссен 2018: 111]. С его позиций «поэмы оказываются динамическими герменевтическими системами, способными не только производить значение внутри себя, но вписывать его в то окружение, которое они и заставляют возникнуть. <...> В предлагаемой рамке поэма как сложная система играет важнейшую роль в создании собственной окружающей среды, преобразуя “хаотическую сложность” мира в “управляемо сложную”» [Там же: 120]. Представляется, что поэтику становления можно обнаружить не только в крупной форме, но и в коротких герметичных текстах.

Так, например, И. Кукулин считает, что «стихотворения Ерёмкина описывают процесс бесконечного изменения, становления, выбора, происходящий сейчас, сегодня не с конкретным героем, а с обобщенным “я”» [Кукулин 2019: 162]. Важно, что эту особенность исследователь выделяет при сопоставлении

поэзии Ерёмина с эпосом «Cantos» Эзры Паунда, в котором Яуссен как раз видит, как «поэма расширяет спектр употребляемых значений, производит переоценку изначальной эстетической программы, обеспечивает преемственность развития — изменением» [Яуссен 2018: 108].

Возьмем для примера еще одно стихотворение Ерёмина:

Двухэтажное распу́тье. (Бес — бродягой под мостом?)
Линзою — очаг вне стен — руины храма.
Льстясь, что есть свобода кроме мага, татя и царя,
Видеть: но́чею ведо́мы в-за лесá скелеты
ЛЭП. (Дале́ко ль омут и комольй ли
Весопля́ с высоковольтный?) Гос-
Гость или hostia? — поди —
Potis и отец!

[Ерёмин 2021: 47]

Здесь гибридизация природного и техногенного («скелеты ЛЭП»), естественного и культурного («комольй ли / Весопля́ с высоковольтный»), сакрального и профанного («Гос- / <...> — поди») подкрепляется присущим Ерёмину употреблением редких слов: «весопляс — вольтижер (русск.). Являлся в безлюдных местах на высоковольтных проводах» [Там же]; «комольй — о животных, обыкновенно имеющих рога: безрогий, имеющий вместо рогов только комли рогов, роговые наросты»¹. При этом метаморфозы от руин храма до скелетов ЛЭП, от беса до Господа как раз и возникают в особом становлении как герметичного языка, так и самого поэтического текста.

Подобную картину можно увидеть в текстах еще одного герметика — лауреата Нобелевской премии по литературе (1975): Эудженио Монтале. Так, например, в стихотворении «Серьги», в котором становление обнажает детали мира внутри коралловых сережек:

Не держатся полеты в закопченном
стекле. (И твой не получил уступки.)
По беззащитным вспышкам в золоченом
круге прошла стирающая губка.
Я камни там, твои кораллы, силу,
забравшую тебя, искал; желания
несу в себе, пока не погубила
их молния твоя, смертельно рая.
Снаружи похоронный гул не молкнет,
зная: две жизни ничего не значат.
Вплывают в раму, возвращаясь, мокрые
вечерние медузы. След твой прячется
внизу, где к мочкам руки исхудалые
простерты, чтобы пристегнуть кораллы.

Пер. Е. Солоновича
[Монтале 1997]

1 См. подробнее: Комольй // Викисловарь. 2017. 14 июля (<https://ru.wiktionary.org/wiki/комольй> (дата обращения: 08.10.2023)).

В этом тексте субъектный план растворяется в изображаемом мире, взгляд на мельчайшие детали и суггестивная метафорика («беззащитным вспышкам в золоченом круге», «Вплывают в раму, возвращаясь, мокрые / вечерние медузы») подчеркивают становление «следа», движение «рук исхудалых» и превращения между миром «снаружи» и миром «кораллов» на сергах.

Находясь внутри тоталитарных обществ (фашистской Италии, оккупированной немецкими войсками Румынии, послевоенного СССР) поэты создают языки, уклоняющиеся от однозначного толкования и при этом отображающие в текстах многомерные художественные среды. Так, Михаил Ерёмин добивается сложной натурфилософии, переплетая природное и культурное в бесконечном становлении своих произведений. То же самое мы можем сказать об итальянском герметизме и Пауле Целане. Однако, в отличие от Целана и герметиков, Ерёмин проблематизирует еще и технику, когда «технический термин оказывается вписан в авторскую “темпоральную” метафизику и натурфилософию» [Родионова 2023: 225]. Иными словами, Ерёмин оказывается несколько ближе к новейшей проблематике соотношения природы, культуры и технологии, подхваченной следующими поэтическими (и, шире, исследовательскими) поколениями. Не случайно, например, К. Корчагин отмечает, что «Целан... глубоко вошел в русскую поэзию: словно бы он промежуточное звено между Осипом Мандельштамом, с одной стороны, и Михаилом Ерёминим и Аркадием Драгомошченко, с другой» [Корчагин 2020].

Таким образом, герметичная поэзия второй половины XX века открывает проблематику многомерного мира, не сводимого к идеологическим маркерам и агитации, мира в сложном отношении между природой, культурой, а затем и техникой, чем повлияла и продолжает влиять на дальнейшее движение этого поэтического тренда на разнообразных языках от метареализма и language writing до герметичных поэтик XXI века.

Библиография / References

- [Айзенберг 1997] — *Айзенберг М.* Литература за одним столом // Литературное обозрение. 1997. № 5 (http://www.newkamera.de/aisenberg/aisenberg_o_03.html (дата обращения: 08.10.2023)).
- (*Ayzenberg M.* Literatura za odnim stolom // Literaturnoe obozrenie. 1997. No. 5 (http://www.newkamera.de/aisenberg/aisenberg_o_03.html (accessed: 08.10.2023)).)
- [Алейникова 2021] — *Алейникова С.В.* Хрупкость в стихотворениях Дж. Унгаретти и ее визуальные проявления // Визуальное во всем: сборник статей. Вып. 2. М.: Эдитус, 2021. С. 32–39.
- (*Aleynikova S.V.* Khrupkost' v stikhotvoreniyakh G. Ungaretti i ee vizual'nye proyavleniya // Vizual'noe vo vsem: sbornik statey. Iss. 2. Moscow, 2021. P. 32–39.)
- [Власова 2023] — *Власова М.* Незримое явление в зримом. Михаил Ерёмин о пользе версификации, совмещении несовместимого и чистом ритме // Независимая газета. 2023. 25 января (https://www.ng.ru/person/2023-01-25/10_1161_eremin.html (дата обращения: 08.10.2023)).
- (*Vlasova M.* Nezhimoe yavlenno v zrimom. Mikhail Yeryomin o pol'ze versifikatsii, sovmeshchenii nesovmestimogo i chistom ritme // Neza-visimaya gazeta. 2023. January 25 (https://www.ng.ru/person/2023-01-25/10_1161_eremin.html (accessed: 08.10.2023)).)
- [Гадамер 2019] — *Гадамер Х.-Г.* Смысл и сокрытие смысла у Пауля Целана // Рикёр П., Гадамер Х.-Г. Феноменология поэзии / Пер. с нем.; сост. и предисл. Н. Артеменко; вступ. ст. С. Никоновой.

- М.: Рипол-классик; Панглосс, 2019. С. 313—330.
- (Gadamer H.-G. Sinn und Sinnverhüllung bei Paul Celan // Riker P., Gadamer Kh.-G. Fenomenologiya poezii / Comp. and preface by N. Artemenko; introd. art. by S. Nikonova. Moscow, 2019. P. 313—330. — In Russ.)
- [Гаспаров 2012] — *Гаспаров М.Л.* «Темные» стихи и ясные стихи: тропы в «Сестре моей — жизни» Б. Пастернака // Гаспаров М.Л. Избранные труды: В 4 т. Т. IV: Лингвистика стиха. Анализы и интерпретации. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 385—400.
- (Gasparov M.L. "Temnye" stikhi i yasnye stikhi: tropy v "Sestre moey — zhizni" B. Pasternaka // Gasparov M.L. Izbrannye trudy: In 4 vols. Vol. IV: Lingvistika stikha. Analizy i interpretatsii. Moscow, 2012. P. 385—400.)
- [Григорьев 1979] — *Григорьев В.П.* Поэтика слова: На материале русской советской поэзии. М.: Наука, 1979.
- (Grigor'ev V.P. Poetika slova: Na materiale russkoy sovetskoy poezii. Moscow, 1979.)
- [Джеймисон 2014] — *Джеймисон Ф.* Модернизм как идеология / Пер. с англ. А. Захарова // Неприкосновенный запас. 2014. № 98 (https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/98_nz_6_2014/article/11173/ (дата обращения: 08.10.2023)).
- (Jameson F. Modernism as Ideology // Neprikosnovennyy zapas. 2014. No. 98 (https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/98_nz_6_2014/article/11173/ (accessed: 08.10.2023)). — In Russ.)
- [Евграшкина 2019] — *Евграшкина Е.* Семиотическая природа смысловой неопределенности в современном поэтическом дискурсе. Peter Lang, 2019.
- (Evrashkina E. Semioticheskaya priroda smyslovoy neopredelennosti v sovremennom poeticheskom diskurse. Peter Lang, 2019.)
- [Ерёмин 2021] — *Ерёмин М.* Стихотворения / Предисл. С. Завьялова; послесл. Ю. Валиевой. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- (Yeryomin M. Stikhotvoreniya / Preface by S. Zavjalov; afterw. by Yu. Valieva. Moscow, 2021.)
- [Житенев 2012] — *Житенев А.* Михаил Ерёмин: поэтика словаря // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. С. 225—235.
- (Zhitenev A. Mikhail Yeryomin: poetika slovarya // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. No. 113. P. 225—235.)
- [Завьялов 2008] — *Завьялов С.* «Поэзия — всегда не то, всегда другое»: переводы модернистской поэзии в СССР в 1950—1980-е годы // Новое литературное обозрение. 2008. № 92 (<https://magazines.gorky.media/nlo/2008/4/poeziya-8211-vsegda-ne-to-vsegda-drugoe-perevody-modernistskoj-poezii-v-sssr-v-1950-8212-1980-e-gody.html> (дата обращения: 08.10.2023)).
- (Zav'yalov S. "Poeziya — vsegda ne to, vsegda drugoe": perevody modernistskoj poezii v SSSR v 1950—1980-e gody // Novoe literaturnoe obozrenie. 2008. No. 92 (<https://magazines.gorky.media/nlo/2008/4/poeziya-8211-vsegda-ne-to-vsegda-drugoe-perevody-modernistskoj-poezii-v-sssr-v-1950-8212-1980-e-gody.html> (accessed: 08.10.2023)).)
- [Заломкина 2018] — *Заломкина Г.* Сопричастная субъективность в современной русской «непрозрачной» поэзии // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии — теория и практика / Ред. Х. Шталь, Е. Евграшкина. Peter Lang, 2018. С. 289—298.
- (Zalomkina G. Soprichastnaya sub"ektivnost' v sovremennoy russkoy "neprozrachnoy" poezii // Sub"ekt v noveyshey russkoazychnoy poezii — teoriya i praktika / Ed. by H. Stahl, E. Evgrashina. Peter Lang, 2018. P. 289—298.)
- [Квазимодо 1997] — *Квазимодо С.* Стихи / Пер. Е. Солоновича, Л. Мартынова, И. Бродского и Б. Слуцкого // Поэты — лауреаты Нобелевской премии / Ред.-сост. О. Жданко. М.: Панорама, 1997. С. 199—216.
- (Quasimodo S. Stikhi // Poety — laureaty Nobelevskoy premii. Moscow, 1997. P. 199—216. — In Russ.)
- [Королинская 2013] — *Королинская Ю.* Третья всероссийская конференция памяти Л.Г. Андреева «Лики XX века. Литература и война» (Московский университет, 21—23 июня 2012 г.) // Новое литературное обозрение. 2013. № 122. С. 430—438.
- (Korolinskaya Yu. Tre't'ya vserossiyskaya konferentsiya pamyati L.G. Andreeva "Liki XX veka. Literatura i voyna" (Moskovskiy universitet, 21—23 iyunya 2012 g.) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. No. 122. P. 430—438.)
- [Корчагин 2020] — *Корчагин К.* Всемирная история сложной поэзии: от Руми и скальдов до Третьяковского, Малларме и Паулы Целана // Нож. 2020. 18 августа (<https://knife.media/complicated-poetry/> (дата обращения: 08.10.2023)).
- (Korchagin K. Vsemirnaya istoriya slozhnoy poezii: ot Rumi i skal'dov do Trediakovskogo, Mallarme i Paulya Celana // Nozh. 2020. August 18 (<https://knife.media/complicated-poetry/> (accessed: 08.10.2023)).)
- [Кошелев 2023] — *Кошелев В.* Знаатоки лакун в невесть чьих манускриптах: как читать

- Бруно Латура через Михаила Ерёмину // Флаги. 2023. № 15 (<https://flagi.media/piece/508> (дата обращения: 08.10.2023)).
- (*Koshelev V. Znatoki lakun v nevest' ch'ikh manuskriptakh: kak chitat' Bruno Latura cherez Mikhaila Yeryomina // Flagi. 2023. No. 15 (https://flagi.media/piece/508 (accessed: 08.10.2023)).*)
- [Кукулин 2019] — *Кукулин И.* Подрывной эпос: Эзра Паунд и Михаил Ерёмин // Кукулин И. Прорыв к невозможной связи: статьи о русской поэзии. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2019. С. 158—172.
- (*Kukulin I. Podryvnoy epos: Ezra Pound i Mikhail Yeryomin // Kukulin I. Proryv k nevozmozhnoy svyazi: stat'i o russkoy poezii. Ekaterinburg, Moscow, 2019. P. 158—172.*)
- [Лаку-Лабарт 2015] — *Лаку-Лабарт Ф.* Поэзия как опыт / Пер. с фр. Н. Мавлевич. М.: Три квадрата, 2015.
- (*Lacoue-Labarthe Ph. La Poésie comme expérience. Moscow, 2015. — In Russ.*)
- [Латур 2006] — *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д.Я. Калугина; науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006.
- (*Latur B. Nous n'avons jamais été modernes. Essai d'anthropologie symétrique. Saint Petersburg, 2006. — In Russ.*)
- [Лосев 2005] — *Лосев Л.* Жизнь как метафора // «Филологическая школа». Тексты. Воспоминания. Библиография. М.: Летний сад, 2005. С. 472—481.
- (*Losev L. Zhizn' kak metafora // "Filologicheskaya shkola". Teksty. Vospominaniya. Bibliografiya. Moscow, 2005. P. 472—481.*)
- [Маринетти 1924] — *Маринетти Ф.Т.* Манифест футуризма // Манифесты итальянского футуризма / Сост. и пер. с фр. В. Шершеневича. М.: Типография русского товарищества, 1924. С. 5—10.
- (*Marinetti F.T. Manifeste du futurisme // Manifeste ital'yanskogo futurizma. Moscow, 1924. P. 5—10. — In Russ.*)
- [Монтале 1997] — *Монтале Э.* Серьги / Пер. с итал. Е. Солоновича // Поэты — лауреаты Нобелевской премии / Ред.-сост. О. Жданко. М.: Панорама, 1997. С. 347.
- (*Montale E. Gli orecchini // Poety — laureaty Nobelevskoy premii. Moscow, 1997. P. 347. — In Russ.*)
- [Прокопьев 2020] — *Прокопьев А.* О принципиальной (не)переводимости и пересборке // Новое литературное обозрение. 2020. № 165. С. 261—271.
- (*Prokop'ev A. O printsipial'noy (ne)perевodimosti i peresborke // Novoe literaturnoe obozrenie. 2020. No. 165. P. 261—271.*)
- [Родионова 2023] — *Родионова А.А.* Соединение установлено. Хитросплетения поэзии, власти, перцепции и технологии // Новое литературное обозрение. 2023. № 182. С. 216—229.
- (*Rodionova A.A. Soedinenie ustanovleno. Khitrospleteniya poezii, vlasti, pertseptsii i tekhnologii // Novoe literaturnoe obozrenie. 2023. No. 182. P. 216—229.*)
- [Унгаретти 1988] — *Унгаретти Дж.* Стихи (К 100-летию со дня рождения) / Пер. с итал. Е. Солоновича // Иностранная литература. 1988. № 3. С. 128—130.
- (*Ungaretti G. Stikhi (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya) // Inostrannaya literatura. 1988. No. 3. P. 128—130.*)
- [Фридрих 2010] — *Фридрих Г.* Структура современной лирики: От Бодлера до середины двадцатого столетия / Пер. с нем. Е.В. Головина. М.: Языки славянских культур, 2010.
- (*Friedrich H. Die Struktur der Modernen lyric. Von der Mitte des neunzehnten bis zur Mitte des zwanzigsten Jahrhunderts. Moscow, 2010. — In Russ.*)
- [Хереш 2023] — *Хереш Л.* Дайте ему лабораторию, и он поселит туда несколько простейших: как читать Михаила Ерёмину через Бруно Латуру // Флаги. 2023. № 15 (<https://flagi.media/piece/495> (дата обращения: 08.10.2023)).
- (*Kheresh L. Dayte emu laboratoriyu, i on poselit tuda neskol'ko prosteyshikh: kak chitat' Mikhaila Yeryomina cherez Bruno Latura // Flagi. 2023. No. 15 (https://flagi.media/piece/495 (accessed: 08.10.2023)).*)
- [Целан 2017] — *Целан П.* Мак и память / Пер. с нем. А. Прокопьева. М.: Libra, 2017.
- (*Celan P. Mohn und Gedächtnis. Moscow, 2017. — In Russ.*)
- [Яуссен 2018] — *Яуссен П.* Письмо в реальном времени: поэтика становления / Пер. с англ. А. Швеца под ред. П. Арсеньева // Транслит. 2018. № 21. С. 106—121.
- (*Jaussen P. Writing in Real Time: Emergent Poetics // Translit. 2018. No. 21. P. 106—121. — In Russ.*)
- [Simms 2015] — *Simms K.* Hermetic poetry and the second person // Appraisal. 2015. Vol. 10. No. 3. P. 4—9.
- [Simms 2024] — *Simms K.* The Unsaid: Hermetic Poetry Between Hermeneutics and Deconstruction. Rowman & Littlefield Publishers, 2024. (In print.)